

М. В. МИХАЙЛОВА

«МУЖ БЛАГОВЕРНЫЙ» В ПОЭТИКЕ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ XVI ВЕКА

В статье исследуется образ «мужа благоверного» в поэтике русской публицистики XVI в. Учитывается провиденциализм и сотериологический лейтмотив русской средневековой публицистики, а также ее назидательность. Рассматриваемые в данной статье авторы создают образ «мужа благоверного» на основе понятий веры, спасения, Божественной воли и Божьего Промысла, добродетелей и пороков.

Ключевые слова: русская публицистика XVI в., христианская этика, идеал человека, сотериология, провиденциализм.

В конце XV — начале XVI вв. происходит смена литературных формаций, с новой стадией развития литературы приходит и новое мировоззрение: теоцентрическое мировосприятие меняется на антропоцентрическое [Ужанков, 2011, с. 118]. Рассматриваемый в статье отрезок времени (XVI в.) характеризуется эсхатологическим напряжением, предчувствием Страшного Суда, именно поэтому в произведениях публицистов указанной эпохи превалирует тема *спасения* и праведной жизни и разрабатывается образ идеального христианина — «*мужа благоверного*». В статье рассматриваются сочинения Ермолая-Еразма, Максима Грека, митрополита Даниила, Ивана Грозного, Андрея Курбского, Иосифа Волоцкого и Нила Сорского.

Категория «муж благоверный» вводится публицистом XVI в. Ермолаем-Еразмом (1500-е – середина XVI в.) и представляет собой собирательный образ идеального человека. Существование и развитие образа «мужа благоверного» во времени и пространстве подчинено *Божьему Промыслу*, на основе этого строятся отношения человека и Бога.

Само понятие «благоверный» предполагает изображение праведного и благочестивого человека, стоящего в вере. *Вера* (в Бога, в заповеди, в добродетели) играет ключевую роль в определении принципов существования человека идеального в тварном мире. Без понятия веры невозможно создать целостное изображение «мужа благоверного»: человек деятельный, верующий становится центральным художественным образом, публицистики XVI века. И именно в истинной вере заключается *счастье* человека благочестивого, верой спасается «муж благоверный».

Идеальный образ «мужа благоверного» конструируется на основе базовых теологических идей, связанных с учением о Творении и о Спасении.

Ермолай-Еразм обращается к теме *сотворения человека*, неоднократно указывая на то, что человек был сотворен по образу и подобию Божию. В частности, в «Слове о Божиемъ сотворении тричастнемъ» (50–60-е годы XVI в.) он упоминает о моменте в Библии, когда Господь выражает свое желание сотворить человека по образу и подобию Божию, но «по сему убо не единообразство Божеству являеть» [Ермолай-Еразм, 1880, с. 64]. Ермолай-Еразм обращается к Священному Писанию: «Глаголетъ в Бытии Богъ: сотворимъ человека по образу нашему и по подобию. А еже глаголетъ «по образу», не глаголетъ о внешнемъ видении человека, но не о видимемъ; ибо внешнее видение человека сложно есть, Богъ же простъ есть, несложенъ, ибо невидимое в человецехъ, ибо умъ ражает слово, и слово же подвизаетъ умъ» [Там же, с. 34]. Уподобление человека Первообразу — это важнейшая составляющая образа идеального человека, общий принцип изображения человека в древнерусской словесности. Категория образа неразрывно связана с категорией подобия. Образ «мужа благовернаго» не является результатом целенаправленной нравственной деятельности, это эстетический художественный концепт-идеал, создаваемый средневековым книжником.

В «Повести о Петре и Февронии» Ермолай-Еразм пишет, что ум человеческий не может постичь того, что сотворил Бог, ибо «все сие невидимымъ для насъ сотворилъ, такъ что непостижимо это уму человеческому» [Сочинения Ермолая-Еразма, 1984, с. 686]. Писатель замечает, что «создатель же и творецъ этого человеческими словами определенъ быть не можетъ» [Повесть о Петре и Февронии, 1979, с. 327–328]. Несмотря на то что человек сотворен по образу и подобию, речь идет лишь о приближении к Абсолюту в уподоблении Ему, а не о равенстве Творца и сотворенного Им человека. И Ермолай-Еразм постоянно напоминает об этом читателю, призывая людей к смирению. Поэтому, хотя в одном из своих произведений публицист и говорит о том, что «совершенъ Богъ, совершенъ же и человекъ» [Ермолай-Еразм, 1880, с. 25], не стоит забывать, что отличий тем не менее великое множество, и все они очень существенные, ведь Бог «не имущи в человецехъ уподобления» [Там же, с. 11]. Так, например, «слово его (человека. — М. М.) гибнущее, и не самосилно, ни самоволно; но симъ по Божией воли сотворенъ есть человекъ, а не по своей» [Там же, с. 3]. Тут мы можем видеть одно из самых существенных отличий: слово человеческое ни в какое сравнение не может быть поставлено со Словом Божиим, действующим и действенным, имеющим волю, творящим. Бог творит сам, «муж благоверный» тоже имеет способность творить, но сам он — творение Бога. «Человечество от Божия существа непременно разумей, убо никто же тако ничто же не сотворяеть, яко сам себе. Человекъ есть Богомъ сотворенъ, но мертвенъ есть, и слово имея мертвено», — пишет Ермолай-Еразм в «Слове преболшемъ о превышнемъ, пребезначалнемъ, божественемъ живоначалнемъ существе» [Там же].

В своих произведениях публицист также неоднократно отмечает, что человек был поставлен в этом мире царствовать, Бог щедр и милостив, и Он даровал это всему человечеству, «Богъ же, не имеющий начала, человека создавъ, оказалъ почетъ ему — надъ всемъ, что существуетъ на земле, поставилъ царемъ», человек «яко бы земнаго коего царя образъ веществененъ сотворенъ»

[Там же]. Такое высокое положение человека в этом мире позволяет нам утверждать, что он является венцом творения, высшим существом в мире дольнем, и ему можно и нужно поклоняться, как пишет Ермолай-Еразм: «И человекъ бо человеку поклоняется, Бога почитая, понеже по Божию образу и подобию сотворень человекъ» [Там же]. Человек словно микрокосм, малый мир, заключенный в большом мире, поставлен Богом как образ и подобие макрокосма. Исследователь А. И. Каравашкин обращает внимание на то, что человек занимает особое срединное положение в иерархии мироздания, он является своего рода связующим звеном между миром горним и миром дольным [Каравашкин, 2000].

Максим Грек, рассуждая об образе идеального человека и о месте человека в тварном мире, приходит к выводу, что этот мир создан для человека, для него существуют дары природы и дары духа, но это вовсе не означает, что автор боготворит человека, он признает в нем борьбу двух начал и показывает противостояние высокого и низменного [См. об этом: Преп. Максим Грек, ч. 1, 1910, с. 39–44].

Другое существенное отличие человека от Бога, считают древнерусские книжники, — это его греховная сущность: «По всему подобень человекомъ, разве греха», — пишет Ермолай-Еразм [Ермолай-Еразм, 1880, с. 16]. Демократизм сочинений Ермолая-Еразма, по мнению А. И. Клибанова, «состоял в провозглашении идеи равенства людей, обосновываемой общностью происхождения человеческого рода как созданного Богом, и одинаковостью естественно-греховной природы человека» [Клибанов, 1996, с. 140].

Говоря о греховной сущности, Ермолай-Еразм не обходит вниманием и понятие первородного греха как первопричины человеческой смертности, тленности (еще одно отличие человека от Бога), страстей (стремление к плотским наслаждениям). Обо всех этих последствиях он отдельно упоминает в своих произведениях, давая людям советы, как лучше бороться с ними. «Сего же отъ бытия и отъ существа плотскаго согрешаши, и по свидению во гресе лежащего, и по сему убоподобаше достоинству видимому Богу плотию отъ плотских вedomыхъ согрешений Адама разрешити, яко же древле той же того же, невидимый неведомаго, отъ бытия созда» — вот одно из упоминаний проблемы первородного греха в сочинениях Ермолая-Еразма [Ермолай-Еразм, 1880, с. 25]; автор, однако, не настраивает людей на пессимистический лад, а, наоборот, выступает с призывом воспрянуть от лени, от греха, бороться с плотскими стремлениями и смирять их молитвой. Хотя человек и подчинен закону старения и смерти вследствие первородного греха (человеческое естество стало смертным, тленным), подвержен страстям (и поэтому страдает), находится в общем греховном для всех состоянии, все же автор видит выход из этой ситуации. Человек даже «во гресе лежащий» всегда имеет возможность выбора, всегда можно постараться оградить себя от этих плотских мирских опасностей — с помощью молитвы, смирения, поста. А Господь, настаивает публицист, являет нам идеальный пример такого смирения: будучи посланным людям, чтобы спасти их, Сын Божий вкусил и претерпел все страсти человеческие: «волею бо родися, волею умре, волею вжада, волею трудися, волею устрашися, волею умре, во истину и безъ мечтания, вся естественныя и неложныя страсти претерпел человеческия» [Там же, с. 37].

Отсюда, пишет митрополит Даниил, и происходят различия между Богом

и человеком, несмотря на создание последнего по образу и подобию Божию. Цитируя Священное Писание в одном из своих «наказаний», митрополит Даниил указывает на тот факт, что «еже есть въ человецехъ высоко, мерзко есть предъ Богомъ» [Митрополит Даниил, 1881, с. 67]. «Мужу благоверному», пишет митрополит Даниил, следует бояться греха больше смерти. «Смерть страшить, а грехъ во веки мучить. Внимайте убо себе, братие, преже во всемъ страхъ и попечемся душами своими» [Там же, с. 86] — так обращается он к своим читателям. Митрополит Даниил, как и Ермолай-Еразм, проводит аналогию между действиями человека с одной стороны и действием Божественной премудрости с другой. Божественной премудрости невозможно приписать те свойства, которые присущи только человеческой деятельности [Там же, с. 352].

Согласно рассуждениям митрополита Даниила, человек в некотором роде — существо ограниченное перед Богом, однако, говоря об ограниченности человека, автор вовсе не хочет его унижить, он лишь хочет показать, что человеку есть, куда стремиться, есть, куда духовно расти. Кроме того, этим публицист еще раз подчеркивает, что, в отличии от человека, Бог — существо неограниченное, автор отмечает их несовместимость, несоизмеримость, несмотря на создание человека по образу и подобию Божию. «Муж благоверный» всегда оказывается зависим от Бога, во всех обстоятельствах и ситуациях своей жизни он должен помнить, что вся его жизнь — это проявление Божественной премудрости, Божественной силы и правды. Только данная человеку Богом, свобода всегда остается при нем и всегда остается неприкосновенной (под свободой митрополит Даниил часто подразумевает самовластие). «Муж благоверный», указывает автор, является существом разумносвободным: разум, как и свобода, — это Божии дары человеку, но человек сам решает, как пользоваться своей свободой, он сам творец своего счастья или несчастья.

Таким образом, как Ермолай-Еразм, так и митрополит Даниил, неоднократно доказывают и обращают внимание читателя на то, что создание человека по образу и подобию Божию не означает полного подобия Богу и соответствия Его сущности, «понеже человеческое существо Божественной крепости не имать, и умъ и слово и душа расходительно» [Ермолай-Еразм, 1880, с. 64]. Если бы ум со словом и с душою не были бы запечатлены в человеческом теле, как в ковчеге, то «ветръ бы развеялъ, понеже о себе никое не можетъ крепитися, ни самовластно, ни самоволно, ни самосилно» [Там же, с. 64]. Все, что идет из телесного сосуда, не имеет никакого самовластия, потому что вся суть во власти Бога. Вот поэтому невозможно утверждать, что «муж благоверный», созданный по образу и подобию Божию, может быть приравнен к Божественному существу.

Говоря о творении мира и человека — «мужа благовернаго», митрополит Даниил особенно подчеркивает Божественную премудрость во всем тварном и совершенство Божественного творения. Так автор отмечает, что «... Богъ бо всякому человеку предель положи летомя совершение возрасту и разуму: егда убо человеку не совершенному меры возраста и разума, тогда Богъ учреди и лицу его бытии нагу. Егда же сподобится летъ совершеннаго возраста, положи убовъ ту годину одетися устамя его и лицу его власы, показуя его инемъ человекомъ яко да видять и свершена, и не к тому уже яко юношу младаго

разума вменяють и, но въ меру исполнена саномъ возраста» [Митрополит Даниил, 1881, с. 63]. А «всего честнейши» сотворил Бог, по мнению автора, человеческую плоть. Здесь мысли Ермолая-Еразма и митрополита Даниила некоторым образом пересекаются: все сотворенное Богом прекрасно и совершенно, венец творения Его — человек идеальный, «муж благоверный» в этом мире царь и властитель.

Дальнейшие рассуждения митрополита Даниила касаются сущности человека — «мужа благовернаго», сотворенного по образу и подобию Божию. Так он пишет, что в людях живет дух Божий, «тем же прославите Бога въ телесехъ вашихъ и дусехъ вашихъ». Сущии во плоти Богу угодить не могут, человек же наделен помимо плоти еще и духом, мудростью, свободой воли, следовательно Бог благоволит человеку в жизни его. «Суши ибо по плоти плотская мудруствують, а иже по духу, духовнаа, мудрость бо плотская смерть, а мудрость духовная животь и миръ» [Там же, с. 17].

Максим Грек, говоря о человеке и его существовании в этом мире, считает, что человек связан с внешним миром неразрывными узами, он всматривается в него и узнает то, о чем повествуют книги, в книгах он может обнаружить то, что окружает его в мире. Вселенная подобна раскрытой книге, полной мерцающих символов, которые могут истолковывать мудрые люди, именуемые философами. Наиболее зримо связь микрокосма и макрокосма выделась в знаменьях, особых знаках причастности человека к мирозданию. Максим Грек, ссылаясь на Иоанна Дамаскина, признает знаменья, от которых «бываетъ дождю и бездожию, студеньству же и теплоте и сухоте и ветромъ и подобным симъ» [Преп. Максим Грек, ч. 2, 1910, с. 63]. Они также могут быть знаками социальных бедствий: голода, мора, эпидемий, войн. Однако знаменья сообщают лишь о внешних событиях, при этом они не всегда истинны, мир души человека, считает автор, его свободная воля, его дела не подвластны знаменьям, ведь люди были сотворены Создателем, поэтому люди сами властители своих дел. Максим Грек замечает: «Аще бо отъ обношения звезднаго все творимъ: то по нужди творимъ, еже творимъ; да еже по нужи бываетъ, то ни добро, ни зло есть; да аще ни зда, ни добра имама, то ни хваламъ, ни венцомъ, ни хуламъ, ни мукамъ семе достойны. Обрящетьже ся и Богъ неправдивъ, овымъ убо добра, овымъ же печаль дая звездными схожении; но ни правление творить, ни о своихъ тварехъ промышляеть, аще убо нужею грядеть все несомо» [Там же]. Человек связан с мирозданием, но не подчинен ему фатально, обладая разумом и свободной волей, он имеет возможность выбора, активного участия в своей судьбе, самосозидания своего бытия.

Следующий важный компонент образа идеального человека, в трактовке публицистов, — *отношения «мужа благовернаго» и Бога*. Мы уже отметили, что эти отношения основываются на концепции предопределения и Божьего Промысла.

Митрополит Даниил настаивает, что Страх Божий и исполнение всех обетов, даваемых при крещении, — это те основы, на которых утверждается и развивается чистая высоконравственная жизнь «мужа благовернаго». В «Послании о страхе Божию» (или о наказании. — М. М.) неясно, продолжение ли это названия или пояснение он называет страх Божий началом нашего спасения и корнем всего благого, что есть в людях. Человек идеальный, имеющий в своем сердце страх Божий, соблюдает заповеди, может, таким

образом, наслаждаться теми благами и нравственными переменами. Страх производит нравственную перемену в душе христианина, именно поэтому как митрополит Даниил, так и другие публицисты учат сохранять в сердце страх Божий и смиренную мудрость. В этом с митрополитом Даниилом соглашается, например, Максим Грек, говоря о том, что «начало убо премудрости страхъ Господень» [Там же, с. 67].

О страхе Божиим и о Его воле сказано и в «Домострое». «Муж благоверный» должен «страхъ Божий всегда имей въ сердце своемъ и память смертную и любовь нелицемерную ко всемъ, всегда волю Божию твори и по заповедемъ его ходя» [Домострой, 1867, с. 10]. Возникает вопрос: как может человек чувствовать одновременно и страх, и любовь? Но для «мужа благовернаго» здесь нет препятствий — страх Божий является для него добродетелью, страх в данном случае означает благоговение к беспредельной святости Божией, опасение нарушить Его предписания и заповеди, страх развивает в «муже благоверном» особую бдительность, что является совсем не лишним фактором для становления образа идеального благочестивого человека.

Рассуждая о порочной душе, митрополит Даниил обращается к образам Страшного Суда. Положение человека на Суде беспомощно, там у него нет заступников, нет тех благ, которые он так старательно накапливал, единственный заступник — собственные дела человека. На Суде будут оценены не только действия, но и самые сокровенные мысли человека, именно поэтому автор постоянно наставляет человека встать на добродетельный путь в своих отношениях с Богом [См. об этом: Митрополит Даниил, 1881, с. 47–48].

В своих отношениях с Богом, пишет публицист И. С. Пересветов, «муж благоверный» никогда не теряет собственной воли и всегда остается существом свободным. У Пересветова не вызывает сомнений свобода человека, для него это — достойное человека состояние, свободу публицист видит важной составляющей образа идеального человека. Свобода представляется, однако, не просто абстрактным понятием: свобода «мужа благовернаго» — это его свобода в вере, во Христе. Без свободы человеку невозможно нести воинскую службу, невозможно проявлять храбрость и смелость в бою, «в котором царьстве люди порабощенны, и в том царстве люди не храбры и къ бою против недруга не смелы: порабощенный бо человекъ срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: однако есми холоп, иного мне имени не прибудеть» — так говорит Магмет в «Сказании о Магмете-салтане» [Пересветов, 1908, с. 75]. И далее продолжает свои рассуждения, характеризуя царство «Коньстантинове»: «при цари Константине у вельможъ его лутчие люди порабощенны были в неволю и противо недруга крепко не стояли; конны и доспешны цветно сидети было вельможи его, полки против недруга крепкого бою не держали и з бою утекали» [Там же].

Тема свободы и рабства является центральной в «Сказании». Свобода выбора — главный антропологический закон, на основе которого строится вся жизнь «мужа благовернаго». Дар свободы универсален, человек свободен и активен, своей активной силой он может действовать против дьявола, и у него всегда есть возможность выбора между добром и злом. «Муж благоверный» — совершенно свободный в момент выбора — несет полную ответственность за свои поступки, и Божий замысел не противоречит самостоятельности действий человека, независимо от того, идет ли речь о царе

или о его подданном. У Пересветова человек всегда оказывается в ситуации выбора, это не безвольное существо, а тот, кто наделен способностью определять свое будущее.

Хотя Иван Пересветов наименее теологичен из всех публицистов представленной эпохи, говоря об отношениях человека и Бога, он все же упоминает молитву как один из важнейших связующих звеньев человека и Бога. В молитве для публициста важно внутреннее духовное состояние, а не внешняя обрядность, молитва — это внутреннее душевное состояние сердечного общения «мужа благоверного» с Богом.

Главным ценностным ориентиром человеческих взаимоотношений и отношений человека и Бога Пересветов считает развитое представление о Божием Промысле. Бог наказывает человека за грехи его: Бог «злехитрства и гордости и ленивства не любит, и противится тому Господь Бог, и гневомъ своимъ за то казнит неуголимымъ» — так говорил Магмет-салтан своим философам в «Сказании о Магмете-салтане» [Там же, с. 72]. В этом сказании Пересветов напоминает, как Бог гневался за гордость и неправду людскую (Бог выдал греков в неволю царю турецкому). В том же «Сказании» царь обращается к судьям: «Не дружитесь с неправдою, держитесь правды, что Богъ любит» [Там же, с. 72]. Правда в отношениях человека и Бога для Пересветова первична, правда является предпосылкой истинной веры — это совокупность Божиих заповедей, норма жизни, имеющая единственный Божественный источник (Христос). Кроме того, правда предполагает настоящую веру, а вера требует правды. В «Сказании о книгах» Иван Пересветов указывает, например, что путь обретения правды начинается с уроков истинной веры, и правда в этом случае обязательно богоугодна. Если человек живет без правды, то он угождает дьяволу, за то Бог и гневается, как было отмечено выше. Бог помогает тому, кто любит правду и важно сохранить Божественную правду, «правда Богу сердечная радость» — так рассуждает воевода Петр в «Большой челобитной» [Там же, с. 59].

Пересветов, по сравнению с другими публицистами, более обстоятелен в напоминании о неизбежности наказания Божьего за грехи человеческие. С этой точки зрения его представления о «муже благоверном» детерминированы представлениями о неотвратимости Божьего Суда, тем самым и выбор «благоверия» представлен как единственное благо для чающего Спасения. За незаконные дела люди наказываются уже при жизни, «Бог гневом своимъ казнить неуголимымъ» [Там же, с. 72]. Но не только при жизни наказывает Бог, злым и нечестивым людям готовятся вечные муки в загробной жизни, таким образом, они погибают навеки. Почему так происходит? Сложен путь человеческий, ведущий к постижению Божественной справедливости, говорит публицист, но у человека в этом мире высокие обязанности и редко когда он бывает способен вместить истину, потому так сложен для него бывает этот путь. Для того чтобы уберечь себя от наказания и спасти свою душу, люди должны знать, каков путь неправды и что такое правда. Правда — это совокупность заповедей Божиих, это норма жизни, имеющая единственный Божественный источник, истинная правда — Христос Бог наш («Сказание о Магмете-салтане») [Там же, с. 73, 77–78].

Провиденциализм — яркая черта русской публицистики XVI века. На все Божья воля — эту мысль Иван Грозный проводит в большинстве своих

произведений, говоря об отношениях человека и Бога. Любое событие, положительное или отрицательное, происходит по воле и *Промыслу Божию*. «А войску нашему правитель Бог, а не человек: как Богъ даст, так и будет» [Иван Грозный, 1951, с. 153] — пишет Иван Грозный в «Послании шведскому королю Юхану III 1572 года». Далее в том же послании можно встретить такую фразу: «Захоштово для кровь проливати, то ты ведаешь, а мы положили на Божию волю, что нам милосердый Бог устроил» [Там же, с. 158].

Воля Божья о человеке — в спасении человека, в то же время воля Божья — это любовь Бога по отношению к «мужу благоверному». Часто человеку непонятна эта любовь, порой у него свои представления о ней, ведь люди немощны и неразумны, как пишет царь во многих своих посланиях. Но в любом случае, воля Божья к человеку — это благоволение Божье, благодатная милость к нему. Именно поэтому даже мор царь называет Божьим посланием, уповаает на волю Бога и на Его милосердие. «Божье послание — поветрие» (мор. — М. М.), которое пришло на людей, описывает царь в «Послании английской королеве Елизавете I» [Там же, с. 141].

В «Переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского» оба оппонента уповают на Божью волю и Промысел. Все возлагается на Божий суд, «и умыслихъ и лучше разсудихъзде в молчанию пребыти, а тамо глаголати пред маестатомъ Христа моего со дерзновениемъ» — так пишет Курбский во 2-м Послании [князь Курбский, 1914, с. 115].

Становление «мужа благоверного» происходит в испытаниях, будь то праведники или нечестивые, «любяй же неправду ненавидитъ свою душу» [Преп. Максим Грек, ч. 1, 1910, с. 349]. Поэтому, призывает Максим Грек, «аще убо желаете и вы со Христомъ быти и собирати со онемъ богатство истиннаго богословия, и грозныхъ оныхъ освободитися проклинаний, держитесь неиспытно Господьскаго богословия и соборныхъ преданий же и поучений» [Там же, с. 387]. Для того чтобы «муж благоверный» мог осознать истинные приоритеты своей жизни, Господь дал ему испытания и несчастья. Митрополит Даниил подчеркивает благотворность перенесения скорбей, скорбь и страдания несут в себе великую нравственную пользу для человека. Страданиями «муж благоверный» очищается от всякого греха и приближается к Богу. Публицист искренне считает, что временные земные несчастья — вовсе не есть зло, они необходимы как для праведников, так и для грешников, как для иноков, так и для мирян. С этим вполне можно согласиться, грешнику страдания необходимы для понимания истинных целей и задач своей жизни, праведнику же несчастья позволяют не забыть о своем истинном предназначении в этом мире и не сбиться с истинного пути. Но страдания несут в себе нравственную пользу для человека только в том случае, если он переносит их благодарственно.

Путь к «благоверию», по милосердию Божьему, открыт для всех. Максим Грек рассуждает об этом в одном из своих слов: «Обаче въ полоскании водъ многъ къ нему ([к Богу. — М. М.]) не приблизитя, явственнее объявляеть много безумие влазящихъ поеже согрешати въ банехъ и омываниемъ многихъ водъ и мыль мящихъ омывати скверну греховную; внутреннее чаши и блюду подобаеть очищати теплыми слезами и покаяниемъ прележнымъ, да и внешнее чисто удетъ» [Он же, ч. 3, 1911, с. 17]. Таким образом, все возможно даже для человека, погрязшего в пороках и грехах, ведь Бог всегда ожидает

его, людям нужно всегда стремиться встать на путь истинный, приблизиться к идеалу — покаяться и смириться.

У Максима Грека понимание отношения Божественного Промысла и «мужа благовернаго» (его свободной воли) наиболее полно высказано в «Слове о исхождении Святого Духа» и в «Послании к Ивану IV». Он уподобляет душу человека воску, из которого по Божьей неведомой человеку воле может появиться все что угодно. Исследователь М. Н. Громов, рассуждая о Божественной воле в работе «Максим Грек», пишет, что «Максим Грек развивает своеобразную концепцию «оптимистического агностицизма», согласно которой человеку не дано понять сокровенный смысл событий, он может лишь догадываться о них, да это и не нужно, надо принять течение исторического потока как таковое, вручив себя высшей воле, которая печется о нашем благе» [Громов, 1983, с. 143]. Для человека главное — соблюдение заповедей, благочестивая жизнь и борьба со злом как внутри себя, так и среди людей. Остальное — подвластно Божией воле и Божию промыслу.

Средневековые публицисты считают *веру* свойством человеческой природы, основой жизни и важнейшей составной частью мировоззрения человека: «вера наша пребывает неколебима, равнее высочайшу камени и недвижимей горе» [Преп. Максим Грек, ч. 1, 1910, с. 53]. Веру, наряду со смиренномудрием, надеждой и любовью, автор относит к величайшим добродетелям человека идеального.

У митрополита Даниила в «наказаниях» неоднократно встречается цитата из Священного Писания: «Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» [Библия, СПНЗ, 2 Иак. 2:26], — автор призывает человека доказывать свою веру добрыми делами, для этого «мужу благоверному» необходимо следить за своими делами (поступками), следить за словами и за мыслями.

Ермолай-Еразм говорит о вере, когда обращается к еретикам, неверующим. Рассуждая о вере, автор подчеркивает ее необходимость в жизни праведного «мужа благовернаго» и укоряет еретиков, обвиняя их в неверии. Ермолай-Еразм говорит о том, что еретики лгут, когда исповедуют единого Бога, при этом, однако, не исповедуют Сына и Святого Духа. Он называет их иноверными и злокозненными [Ермолай-Еразм, 1880, с. 13], последствиями их веры могут быть проклятие и одоление их бесами. Таким образом, обличая еретиков, Ермолай-Еразм указывает на опасности, подстерегающие неверующего человека. Верующий в Господа человек крепок духом, стоек умом, согласно рассуждениям автора, готов выстоять любые сложности, вера спасет его и поможет ему в любой ситуации. «Воскресни Господи, да не крепится человек» [Там же, с. 9] — вот еще одно указание в одном из «слов» Ермолая-Еразма на то, что без веры в Господа невозможно выстоять в этом мире, невозможно справиться с соблазнами и искушениями дольного мира. Вера делает человека, живущего в таком мире, духовно сильным.

В «Книге Еразма о Святой Троице» можно увидеть наставления автора верующему человеку для сохранения чистоты его веры: «Достоить убо намъ верующимъ со страхомъ почитати Господа Бога творца нашего плотский образъ, о нем же Богъ къ намъ милосердие свое показа, и яко wskvoze завесу плоть свою къ намъ божественныя своя силы глаголаше и творяше» [Там же, с. 94]. Вера человека должна быть нерушима, подобно крепости, которую «Христось же крестомъ показа намъ» [Там же]. Ермолай-Еразм призывает

людей воспрять «отъ лености, яко отъ сна, не словомъ, но деломъ и любовию, мы же, грешнии, подщимся всемъ хотениемъ угодити ему, не токмо о милостехъ благодаряще его, но и наказание достоинъ терпети со всяцемъ благодарениемъ» [Там же]. Как Христос был тверд в страдании, так и людям полагается быть твердыми в своей вере. Люди должны не только благодарить Бога за милости, но и терпеть наказание с благодарением. В мире все взаимосвязано, не бывает «ни скорбь безъ утешения, ни радость безъ покаяния» [Там же]. Как пребывая в радости, так и ежели доведется пребывать в скорби, следует благодарить Бога, а не «раздражити» [Там же, с. 95]. Сказано в Евангелии: «Если мы с Ним ([с Христом. — М. М.] умерли, то с Ним и оживем» [Библия, СПНЗ, 2 Тим. 2:11].

В «Повести о рязанском епископе Василии» Ермолай-Еразм описывает духовный подвиг «мужа благовернаго», спасение человека верой в Бога. «...Епископъ же, приимъ икону образа Божиа превечнаго младенца и Богородична, на ню же имеяше надежу о всяцем спасении своем, и поиде из епископии. Проводиша же его до реки, нарицаемья Оки, и хотя худати ему отплуту судно мало. Сий же, стоя на брезе, снем мантию и, простре на воду и вступи на ню, нося Божий и Богородичный образы, и абие духом бурным несен бысть со образы противу струям, отнюду же река течаше» [Ермолай-Еразм, электронный ресурс]. Такие примеры, помещаемые публицистами в свои «слова», «поучения», «наказания» служат для привлечения внимания читателя к образу идеального человека. Ермолай-Еразм рисует пример «мужа благовернаго», для митрополита Даниила идеальный образ — человек-пастырь, для Ивана Грозного и Андрея Курбского существует идеал и антиидеал человека.

Замечания о жизни пастыря и ее целях встречаются в «наказаниях» митрополита Даниила довольно часто. Предписания, обращенные к человеку-пастырю, можно кратко суммировать следующим образом: человеку всегда необходимо соблюдать заповеди Божии, читать и соблюдать предписания святоотеческих преданий, ему также нужно каяться и стараться сохранять свою веру во всей чистоте и непорочности, проявлять любовь к Богу и своему ближнему, безграничную любовь ко всем, в том числе и к заблудшим, наставлять людей, часто посещать храмы Божии и искренне молиться и поститься, смирять себя и свою плоть. Истинный пастырь не может и не должен ненавидеть грешников и еретиков, митрополит Даниил уверен, что еретики способны обратиться к истинной вере посредством кротости и любви, поэтому пастырю необходимо молиться за них и обращать их к истине любовью, милостью. От пастыря митрополит Даниил требует постоянной бдительности и постоянного учительства. Самая важная добродетель пастыря и его прямая обязанность — это проповедь слова Божия, научение и наставление пасомых истинам веры и нравственности [См. об этом: Митрополит Даниил, 1881, с. 4–8, 49–57, 87]. В образе человека-пастыря мы видим образец добродетельного поведения, один из примеров идеального образа «мужа благовернаго», встречающийся в средневековой публицистике.

Образ идеального человека также подробно описан в сочинениях Андрея Курбского, причем публицист подкрепляет свои рассуждения цитатами из Священного Писания и творений Святых отцов Церкви. Идеал человека для Курбского: кроткий, но в то же время мужественный и храбрый, «муж не

токмо храбрый, мужественый, <...> но воистинне и въ разуме многъ, къ тому кротокъ и тихъ былъ, зело всякими благими нравы преукрашень, и обычайми добрыми прелюбезень» [князь Курбский, 1914, с. 302]. Важно также, чтобы человек бы крепок духом и тверд в мыслях, «простый, истинный и непоколебимъ въ разуме, и великъ помошникъ былъ въ напастехъ и в бедахъ объятимъ, тако же и ко убогимъ милостивъ зело» [Там же, с. 319]. «Муж благоверный», согласно посланиям Курбского, также должен стремиться украшаться изнутри душевной добротой и духовной благодатью.

Рассматривая образ «мужа благоверного», нельзя не остановиться на концепции *спасения души*, представленной в русской публицистике XVI века. Исследователь В. В. Калугин полагает, что «в аскетической культуре Средневековья считалось, что конечную цель каждого христианина — спасение души — можно заслужить постом и молитвой, вдумчивым чтением и строгим соблюдением заповедей Евангелия» [Калугин, 1998, с. 104]. С этим мнением вполне можно согласиться, все публицисты эпохи русского средневековья сходятся в своих взглядах в одном: для спасения необходима праведная и благочестивая жизнь, соблюдение заповедей, борьба с пороками и стяжание добродетелей.

Митрополит Даниил, говоря о спасении человека, особо отмечает, что человек всегда имеет такую возможность, Бог создает ему такие обстоятельства, чтобы «муж благоверный» смог сделать правильный выбор и встать на праведный путь спасения. Путь спасения определяется совпадением Божественной воли и человеческой энергии, направленной в правильное русло — на стяжание благодати. Автор пишет, что «Господь бо зоветъ насъ въ царство небесное, а мы совращаемся съ пути праваго и идемъ во дно ада» [Митрополит Даниил, 1881, с. 86], человеку созданы все условия, чтобы он мог идти к главной своей цели — спасению. Однако, сокрушается публицист, часто человек не видит руки Господа, протянутой ему и даже хуже, отворачивается от нее, избирая более, как ему кажется, сладостный путь в жизни, путь наслаждений и материальных богатств. Еще одна страшная вещь в данном случае, пишет автор, — это лицемерие человека. Для вида человек даже может ходить в церковь, поститься и молиться, но самое важное здесь — это то, с каким сердцем и чувствами человек это делает, если же человек делает все это напоказ, то грош цена таким его действиям [Там же, с. 4–6].

Митрополит Даниил говорит, что «мужу благоверному» следует во имя спасения «слушати святыя пения и почитания божественныхъ книгъ со благоговениемъ, и со страхомъ Божиимъ, и со умилениемъ душевнымъ имети въ серци своемъ страхъ и трепеть» [Там же, с. 86]. Публицист упрекает людей за суетность и отсутствие благочестия. «Церковь бонарицается земное небо, мы же неистовии приходимъ аки на торжище и на позорище съгордостью и величаниемъ, и покланяемъ образу Владыки Господа нашего Иисуса Христа покровенными главами, а инии подпирающеся жезлы, а инии приходятъ разволочася ризъ безобразно» [Там же].

«Братие, приходити ко церкви, кайтеся греховъ своихъ, храняще чистоту, творяще милостыню и любовь ко всемъ не лицемерну» — вот еще один призыв митрополита Даниила к спасению и праведной жизни, обращенный к своим читателям, который можно найти в его «наказаниях». «Мужу благоверному» следует воспитывать в себе любочестие и безмолвие, благоумие,

духовную любовь и кротость, все это достигается, по мнению автора, постом и молитвой. «Бдите и молитесь... непрестанно молитесь» — советует митрополит Даниил людям [Там же, с. 19]. Максим Грек призывает людей во имя спасения отречься от «суеты всякия и безчиния мирскаго жития и иноческаго преподобнаго и совершеннаго жития возлюбихомъ, совершающаго внутренняго человека нашего и наставляющавъ самую вечную жизнь» [Преп. Максим Грек, ч. 2, 1910, с. 226], а также украсить и хранить «прилежно мысленный куколь внутренняго человека, честнейшу глаголю часть душевную, умъ частыми поучении богодохновенныхъ писаний и трезвенными молитвами и богоугодными бдении» [Там же, с. 224]. Это действительно важно для человека, чтобы спастись и встать на праведный путь, считает Максим Грек.

Рассуждая о спасении души человека, митрополит Даниил выделяет два способа праведного существования в мире соблазнов и искушений: брак и монашество [См. об этом: Митрополит Даниил, 1881, с. 507]. Оба указанных пути открыты для человека и оба они одинаково освящены Богом. С ним соглашаются и другие авторы-публицисты XVI в. Считая как брачную, так и монашескую жизнь подходящей для человека, желающего спастись, авторы больше склоняются в пользу монашеского образа жизни. Именно поэтому в их наставлениях звучат призывы к аскезе, подобной монашеской. Публицисты верят, что и в мирской жизни человеку возможно максимально приблизиться к нравственному (монашескому) идеалу душевной чистоты, кротости и смиренномудрия.

Что же еще можно и следует делать «мужу благоверному», чтобы встать на путь истинный, чтобы спастись и обрести настоящее счастье? Вот что призывает делать митрополит Даниил: «Възненавидимъ славу и богатство, непребывающаа по смерти. Не услажайся, не ублажай спеющихъ славою и честию въ настоящемъ житии. Възненавиди богатство аще ти не помогаетъ убогымъ, възлюби богатство духовное, да избавить тя отъ всехъ бѣдъ. Не забывай яже по смерти жития, да мудрость и разумъ и целомудрие вселится въ тя богато, бежи блуда и блудныхъ вещей, бежи позорищъ и играня бесовскаго, не украшай лице свое на прелщение человекомъ, за нихъ же Сынъ Божий и Богъ волную безчестную страсть претерпе. Не забываемъ обещанна, яже обещахомся на святемъ крещении, съхранимъ заповеди Господня, будемъ блази другъ другу» [Митрополит Даниил, 1881, с. 13]. «Пренебреши же повелеземныя печали житейска и заповеда искати преже царства небеснаго» — цитирует автор Священное Писание [Там же, с. 21].

Счастье «мужа благоверного» заключается в нем самом, если человек ведет праведную и благопристойную жизнь, следует Божественным предписаниям и заповедям. Ведь счастье людей, уверен митрополит Даниил, — это их спасение и вечное блаженство, но настоящее счастье человеку только предстоит достигнуть, оно в далеком будущем, в загробной жизни, этот же мир — подготовка «мужа благовернаго» ко счастливой жизни во Христе, во спасении. Однако, сокрушается автор, многие люди пытаются найти счастье в этом мире, мире временном и тленном, что невозможно и является, по убеждению автора, напрасной тратой сил и времени. Счастье земное для человека — это его внешнее благополучие и благоденствие, как награда за его благочестивую жизнь, но все это лишь внешние временные проявления,

стремиться же нужно к счастью духовному, спасению. «Муж благоверный» сам виновник своего спасения и сам его творит [Там же, с. 25–28, 47].

Путь спасения долог и непрост, «мужу благоверному» нужно быть к этому готовым, указывает митрополит Даниил, врата же «уские» и человеку придется «теснымъ путемъ шествовати повелеваетъ, вся же находящая доблест венетерпети заповедаеть» [Там же, с. 18].

Спасение — важнейший мировоззренческий вопрос, который вытекал из христианского вероучения, волновал и Максима Грека. Спасение, как уже было отмечено, — высшая цель «мужа благовернаго», его счастье воссоединения с Богом. Максим Грек задает вопрос: что нужно сделать человеку в земной жизни, чтобы заслужить посмертного спасения и вечной жизни? Исследователь М. Н. Громов, анализируя сочинения Максима Грека, приходит к выводу, что «не всякому человеку доступна жизнь в истине, это не достигается спокойным созерцанием и комфортным житием. Это возможно лишь ценой великого духовного напряжения, путем тяжелых испытаний души и тела» [Громов, 1983, с. 160]. Путь спасения действительно непрост, он требует от человека многочисленных усилий на протяжении всей его земной жизни. Человеку все же не стоит забывать, что Бог всегда рядом, Он дает людям те необходимые силы, чтобы пройти этот путь, не бывает в жизни людей трудностей и испытаний, которые они не в состоянии преодолеть, так и в деле спасения: вера поможет любому человеку возродиться, нужно бороться и твердо стоять на пути к своей цели. «Духовное возрождение человека — путь восстановления утраченной гармонии через взаимодействие тварных существ и Божественных явлений» [Юрганов, 1998, с. 274].

Максим Грек вполне традиционен в своем ответе на вопрос, как же «мужу благоверному» спастись? Автор определяет, что же такое спасение, это «наше есть отъ веры неложныя и надежи, яжевь Бога» [Преп. Максим Грек. ч. 1, 1910, с. 347]. Смысл человеческой жизни он видит в том, что каждый человек должен всячески ограждать себя от искушений, крепить волю и разум, развивать свои нравственные достоинства. «Востанемъ убо и сами отъ сна премногия лености нашея и вседушно потрудимся во оставшемъ краткомъ жития нашемъ, да течемъ невозвратно къ почести вышняго звания» — призывает он в своих произведениях [Он же, ч. 2, 1910, с. 120].

Символ цельности человека — его сердце, в которое Господь закладывает нравственные законы. Именно нравственные усилия позволяют обуздать мысль от плоти, т. е., победить плотские искушения. «Воспрянемъ убо позже когда, о душе, и отъ мысленныхъ очесехъ нашихъ вытремъ прилепшиися гной отъ непокорства и безумия нашего, и, познавшея же о себе, яко по божественной заповеди совершаются, исправити насъ потщимся, да расточимъ добро, якоже угодно есть Богу» — звучит его призыв [Там же, с. 133]. Во имя спасения автор также призывает верующих следовать предписаниям Священного Писания и любить своих врагов, ненавидящих и помогать неправедным. «Его же ([блаженство, спасение. — М. М.] несть возможно инако получитьи, но точию горящею выну любовию священнаго благоверия и притяжаниемъ честнаго жития и всякия добродетели на вере чисте тверде водруженныхъ. Сию подтщитесь стяжати, о мужие, отвергшее всякия гордости» [Преп. Максим Грек, ч. 1, 1910, с. 60]. Спасение возможно достичь «...прилежнымъ хранениемъ Богодохновенныхъ заповедей и смиреннымъ

и беззлюбивымъ души мудрованиемъ, целомудриемъ же священнымъ и долготерпеливою кротостию и нелицемерною ко всемъ человекомъ любовию» [Там же, с. 62]. «Да оставимъ мы всякия злобы, лести же и лжи и плотския нечистоты и студодеяния» — вот что необходимо делать «мужу благоверному» во имя своего спасения, считает Максим Грек [Он же, ч. 2, 1910, с. 232].

Рассматривая вопрос о спасении и счастье человека, публицисты перечисляют *пороки*, которые они считают наиболее опасными и которые, по их мнению, препятствуют человеку достичь спасения, а также рассматривают *добродетели*, помогающие человеку в этом.

Например, в «Слове о покаянии, вельми душеполезно верою и любовию нелицемерною внимающимъ его, и съ разумомъ трезвеннымъ прочитающимъ его» Максим Грек пишет о стяжании как о великой опасности для человека, как об одном из главных препятствий на пути ко спасению. Максим Грек призывает возненавидеть стяжание как причину гибели души. Он задает людям вопрос: разве это не возвращение вспять, «еже въ прежнихъ обычаехъ и растленное мирское пребывание; воспятие же глаголю, точию, еже беспрестани пещися, како множайша стяжить села и стяжания и стада всякихъ скоть. И како много сугубить сребро и злато свое» [Там же, с. 123]. Здесь же он отвечает на него, говоря о том, что приблизиться к Господу и в этом обрести свое истинное счастье — спасение во Христе — можно только будучи от всего этого свободным и «во всякомъ нестяжании и нищете и безмолвии, совершаючи заповеди владычня, со всякимъ смиренномудриемъ и чистотою и святынею плоти и духа» [Там же].

Гордыня также препятствует спасению «мужа благовернаго», это один из смертных грехов, действие, отдаляющее от Бога. Невозможно спастись гордому человеку и нет такому человеку места в Царствии Божиим. В «Послании к польскому королю Стефану Баторию 1581 года» Иван Грозный упрекает его в гордыне и неумеренности, его сокрушает тот факт, насколько король «охвачен безудержной гордыней». В «Послании к Василию Грязному» царь восклицает: «А будет станишь за гордость на кристьянство — ино Христос тебе противник!» [Послания Ивана Грозного, 1951, с. 194].

Важная мысль о спасении, которая фигурирует в творчестве И. С. Пересветова — это идея о царской «грозе». «Не мощно царю царства без грозы держати», «какъ конь под царемъ без узды, так и царство без грозы» — говорится в «Сказании о Магмете-салтане» [Пересветов, 1908, с. 72]. Царская «гроза» очищена от пороков. И «муж благоверный» должен смиренно принимать эту «грозу», ведь власть предана Богу и невозможно служить Богу, минуя праведного царя. Участие в деле Божиим — неперемное условие личного спасения. Подчинение царю, помазаннику Божию, рассматривалось публицистами как одно из неперменных условий спасения человека. Это очень важный мотив средневековой словесности. Царь способствует спасению души, лечит духовные недуги, поэтому служение царю приравнивается к сохранению души человека. Царь и его власть — это величайшее благо для подданных.

Говоря о возможности спасения человека, царь Иван Грозный также часто упоминает о смирении: смиренный, терпеливый, умеренный во своих вкусах и привычках человек может спастись, «мужу благоверному» необходимо соблюдать заповеди Божии. В «Послании в Кирилло-Белозерский мона-

стырь» он рисует идеал человеческой жизни: умеренность и сдержанность монашеской жизни обращает внимание читателя на то, «в каком смирении достиже» [Послания Ивана Грозного, 1951, с. 174]. Царь особо отмечает то, насколько это важно для спасения людей, ведь «душе бо пособие бывает от всякого смирения» [Там же, с. 173]. «Смотрите же, слабость ли утверждает или крепость?», «Како с ним поживе — царски ли или постнически?», «И кто бысть болий — царев ли сын или неведомый пустынный?», «Ино то ли путь спасения и ваше учительство, что пострижением прежняя вражды не разрушити?» — эти вопросы задает царь в «Послании» и дает на них ответы: нет места стяжательству и неумеренности в жизни человека, желающего достичь спасения, стремящегося к идеальному образу благочестия, нет места злобе, величию и гордыне, все это «не токмо души не пособь, но и пагуба» [Там же, с. 173–174]. Апостолы заповедали людям «во обновлении живота шествовати <...> и шедше возвещайте Царствие Божие» — вот какой идеал смиренной жизни «мужа благовернаго» рисует Иван Грозный [Там же, с. 179]. Здесь вновь звучит призыв к человеку обратить особое внимание на монашеский образ жизни, призыв к аскезе и умеренности в миру.

Лень человеческая — вот еще одно серьезное препятствие на пути спасения человека, отмечает Иван Грозный в «Послании к Яну Роките». Лень — это признак слабости, немощи человека, небрежения, это, безусловно, порок. В праздности и лени таится множество опасностей для нравственной жизни людей, а праздный человек становится легкой добычей дьявола. Людям ленивым, «не вся заповеданная исполняющих» трудно спастись, с этим пороком необходимо бороться. Тут царь вполне традиционен в советах, главное — соблюдать заповеди Божии, Иван Грозный снова отмечает, что Господь по благодати нисходит к людям в духовной и душевной немощи. Господь — помощник — эту мысль также можно встретить у Ивана Грозного (например, в «Послании польскому королю Стефану Баторию 1579 года»). Господь — помощник, на все Его Божья воля, но и человек не пассивен, должен приложить определенные усилия ко спасению. Бог помогает тем, кто любит труд, потому что лень — один из самых страшных человеческих пороков. Все население трудовое и труд его праведный, производимый собственными руками, чему служит примером сам царь.

Людям есть от чего спастись, об этом царь неоднократно указывает и в своем гимнографическом творчестве. Люди немощны и неразумны, им необходимо спастись, Господь нисходит к людям, сходит к человеку, пребывающему в немощи духовной, в неразумии. Разрушено естество плоти людской, люди оскверняют душу злыми похотями и не очищают ее слезами покаяния и милостыней от чистого сердца — души людские царь называет грешными, окаянными, наполненными злосмрадия (в «Каноне Ангелу Грозному, воеводе») [См. об этом: Гимнографическое творчество Ивана Грозного, электронный ресурс].

Кроме непрестанной молитвы, умеренности в жизни и смирения Иван Грозный также подчеркивает огромное значение и важность поста для спасения «мужа благовернаго». Много он пишет об этом, например, в «Послании к Яну Роките». Пост отрезвляет человека, помогает ему очистить мысли, а с чистыми мыслями человеку легче понять истинное его предназначение. Пост — это важный этап на пути ко спасению. Это упражнение и смирение духа,

души и тела очень важно, ведь только в случае, если человек справится с телесными пагубными желаниями, он станет способным внять слову Господа. Однако люди должны быть очень внимательными, ведь пост может быть и духовно вредным, если человек, воздерживаясь от пищи, смиряя плоть, проникается сознанием собственного превосходства и гордится собой, это, безусловно, неприемлемо на пути ко спасению. Необходимо воздерживаться от излишеств и начать нужно со смирения плоти, пишет Иван Грозный [См. об этом: Послания Ивана Грозного, электронный ресурс]. Пост, по мнению Ивана Грозного, полезен для всех людей, как для мирян, так и для служителей церкви.

Напоследок хотелось бы остановиться на рассуждениях Иосифа Волоцкого о спасении «мужа благоверного». Иосиф Волоцкий, призывая человека встать на путь истинный и двигаться по нему ко спасению и обретению счастья, советует желающим спастись: «Не токмо мученчское страдание и постническое житие, но и скорбь бывающую о гресе, и точение чела, и биение персе, и колену преклонение <...> и плачевное рыдание» [Иосиф, игумен Волоцкий, 1896, с. 161–162]. Это наставление мы находим в «Просветителе» и, прочитав его, понимаем, что автор считает, что человеку необходимо размышлять и скорбеть о своих грехах, только так можно их осмыслить, только если человек признает и осмыслит свои грехи, он может надеяться на спасение. Осознание и признание своих грехов в сочетании с постнической жизнью — вот необходимые условия для спасения, рассуждает автор.

Таким образом, рассуждая о месте сотворенного «мужа благоверного» в поэтике средневекового хронотопа, публицисты древнерусской литературы выводят на передний план понятия веры, спасения, Божественной воли и Божьего Промысла. Все это видится им неотъемлемыми компонентами образа идеального человека — «мужа благоверного». Произведения древнерусских книжников выбранной нами эпохи имеют ярко выраженный сотериологический лейтмотив, на основе концепции спасения души и вечного блаженства в Боге строятся их размышления о понятии идеального человека, опираясь именно на эту концепцию, они и создают художественный образ благочестивого, «благоверного» человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. Священное Писание Нового Завета. [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru/biblia/?Jac> (Дата обращения: 12. 04. 2014).
2. Гимнографическое творчество Ивана Грозного // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9125> (Дата обращения: 13. 05. 2014).
3. Громов М. Н. Максим Грек. М.: Мысль, 1983.
4. Даниил, митрополит Московский и всея Руси // Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. М.: Въ Университетской типографии (М. Катковъ), на Страстномъ бульваре, 1881.
5. Домострой. По рукописямъ императорской публичной библиотеки. Подъ редакциею В. Яковлева. Издание Д. Е. Кожанчикова. Санктпетербургъ. Въ типографии императорской Академии наукъ, 1867.
6. Ермолай-Еразм. Сочинения Ермолая-Еразма [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5116> (Дата обращения: 28. 04. 2014).

7. *Ермолай-Еразм*. Повесть о Петре и Февронии муромских // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – 1 пол. XVI вв. М.: 1984.
8. *Ермолай-Еразм*. Сочинения. Опубликовано: Чтения в Обществе истории и древностей Российских, 1880, 4.
9. *Иван Грозный*. Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1951.
10. *Иосиф, игумен Волоцкий*. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, Игумена Волоцкаго. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1896.
11. *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника. М.: «Языки русской культуры», 1998.
12. *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000.
13. *Курбский А. М.* Сочинения князя Курбского. Томъ первый. Сочинения оригинальня. С.-Петербург, 1914.
14. *Пересветов И. С.* // Ржига В. Ф. Пересветов — публицист XVI века. М.: Синодальная типография, 1908.
15. Повесть о Петре и Февронии. Подготовка текста и исследование Р. П. Дмитриевой. Л.: Наука, 1979.
16. Послания Ивана Грозного // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9123> (Дата обращения: 13. 05. 2014).
17. *Преподобный Максим Грек*. Сочинения преподобного Максима Грека, изданныя при Казанской Духовной Академии. Часть первая. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1894.
18. *Преподобный Максим Грек*. Сочинения преподобного Максима Грека, изданныя при Казанской Духовной Академии. Часть вторая. Казань: въ типографии губернскаго правления, 1860.
19. *Преподобный Максим Грек*. Сочинения преподобного Максима Грека, изданныя при Казанской Духовной Академии. Часть третья. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1897.
20. *Ужанков А. Н.* Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. Монография. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2011.
21. *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998.

Поступила в редакцию 10. 05. 2014